

Изъ золотого вѣка итальянской оперы въ Петербургѣ.

Тамберликъ:

„Or, l'insaisissable Moteur de l'univers doit bien un jour permettre à ces parcelles, qui se sont aimées et estimées dans la vie passagère, de se rencontrer et de se reconnaître dans l'Eternité* 1).

Изъ рѣчи Тамберлика 18 апр.
1884 г.

Генрихъ Тамберликъ (Enrico Tamberlick) 2) родился въ Римѣ 11 марта (нов. стиля) 1820 года. Родители хотѣли видѣть его юристомъ и съ этою цѣлью помѣстили его въ семинарію Монте Фіаскона. Окончивъ семинарію Тамберликъ, однако, не сдѣлался юристомъ, а сталъ учиться пѣнію подъ руководствомъ стараго пѣвца Cughelmi.

Въ 1841 году онъ съ большимъ успѣхомъ дебютировалъ въ теноровой партіи въ Миланскомъ театрѣ дель-Фандо въ оперѣ Беллини „Капулетти“. Въ послѣдующіе годы Тамберликъ пѣлъ въ Лиссабонѣ, Мадридѣ, Барцелонѣ и Лондонѣ.

1) „Непостижимый Двигатель вселенной позволить же въ одинъ прекрасный день этимъ частицамъ, любившимъ другъ друга въ тѣнной жизни, встрѣтиться и узнать другъ друга въ Вѣчности“.

2) Извѣстный востоковѣдъ М. А. Гамазовъ говорилъ однажды, что фамилія „Тамберликъ“ указываетъ какъ бы татарское происхожденіе ея носителя: „тамберъ“ — музыкальный инструментъ, „ликъ“ — вращательный механизмъ.

Въ 1848 году, явившись въ Петербургъ еще совѣтъмъ молодымъ пѣвцомъ, безъ ореола европейской извѣстности, онъ выступилъ въ скромной роли Полліона въ „Нормъ“ (съ Гризи) и уже на нашей сценѣ завоевалъ имя первокласснаго артиста, въ особенности послѣ созданія ролей Арнольда въ „Вильгельмъ Теллъ“ и Отелло. Въ Петербургѣ Тамберликъ пѣлъ съ небольшими перерывами до 1867 года, получивъ званіе „солиста Двора Его Императорскаго Величества“. Въ 1858 году Тамберликъ впервые дебютировалъ въ Парижѣ въ Большой Оперѣ, въ роли Отелло. Гастролировалъ онъ также въ Сѣверной и Южной Америкѣ.

Тамберликъ былъ привлекательной наружности, роста средняго, классически сложенный, хотя и нѣсколько полный. Онъ превосходно одѣвался и держался на сценѣ благородно и скромно.

Голосъ его, не говоря уже о силѣ и красотѣ тембра, отличался необыкновеннымъ огнемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ задумчивостью, трогательною глубоко. Его фразировка (речитативъ), вѣрность интонаціи и слуха были безукоризненны. Съ низахъ голосъ Тамберлика былъ немного глухъ, но чѣмъ выше—тѣмъ становился яснѣе, прозрачнѣе и теплѣе. При выраженіи страсти голосъ его производилъ потрясающее впечатлѣніе.

Личность Тамберлика была обаятельна. Что въ немъ поражало—такъ это его скромность. Выходя на бурные вызовы публики, онъ застѣнчиво улыбался, какъ бы конфузясь. И эта скромность всемірно прославленнаго артиста привлекала къ нему всѣ сердца.

Въ области вокализаціи Тамберликъ уступалъ своему товарищу Кальцолари; вотъ почему профессиональные музыканты всегда предпочитали Кальцолари, называя его пѣніе классическимъ. Но публика на это не обращала вниманія: она ждала отъ Тамберлика другого—его порыва, его огня, его вдохновенія. Онъ возносилъ ее своимъ чуднымъ голосомъ и силою духовнаго горѣнія до полнаго восторга.

Удивительно: у Тамберлика не было никакихъ пріемовъ хорошаго актера, не было мимики; вся сила его была въ его душѣ, и своею великою, благородною, страстною душою онъ дѣйствовалъ именно на душу слушателя.

Повсюду публика восторгалась его замѣчательнымъ **at (do) diès'омъ.**

Вотъ что писалъ самъ Тамберликъ о своемъ „*ut diès'è*“¹⁾: „я рѣшилъ дебютировать (въ Парижѣ въ 1858 г.) въ „Отелло“, ибо я понималъ, что для парижанъ, пресыщенныхъ артистическими знаменитостями того времени, слѣдуетъ прибавить къ искусству нѣкій сюрпризъ. Этимъ сюрпризомъ и былъ *ut dièsè*, который, по словамъ теноровъ, имъ не обладавшихъ, былъ результатомъ лишь простого случая. Совершенно напротивъ, я долженъ удостовѣрить, что я его приобрѣлъ только постоянной и осторожной работой, ибо мой голосъ былъ менѣе обширенъ, когда я началъ свои музыкальныя занятія... Итакъ я дебютировалъ. Успѣхъ вскорѣ разсвѣялъ мой страхъ и мой *ut dièsè* вызвалъ взрывъ восторга. Съ каждой новой ролью благоволеніе публики ко мнѣ увеличивалось. Это обстоятельство было мнѣ гораздо пріятнѣе, чѣмъ энтузіазмъ, вызванный помощью *ut diès'a*, ибо эту ноту я беру только въ „Отелло“.

По поводу *ut diès'a* у Тамберлика произошла въ Петербургѣ любопытная исторія съ нѣкимъ г. Гарсіа, учителемъ пѣнія, который въ своей книгѣ давалъ совѣтъ всѣмъ учащимся избѣгать „неисчислимыя опасностей отъ изверженія болѣе или менѣе естественныхъ *ut*-овъ, тѣхъ невозможныхъ рѣзкихъ звуковъ, которые господами тенорами *di fogza* называются грудными *ut*-ами“. Намекъ на Тамберлика былъ слишкомъ очевиденъ, и г. Гарсіа, по собственной инициативѣ, поспѣшилъ письменно извиниться передъ Тамберликомъ. Вотъ отвѣтъ послѣдняго:— „Я только-что получилъ Ваше письмо и, признаться сказать, не понимаю въ немъ ровно ничего. Вы говорите, что имѣете поводъ быть увѣреннымъ, что я смотрю на Васъ равнодушно и объясняетесь о такихъ вещахъ, о которыхъ я никогда и не думалъ по той причинѣ, что я нисколько не занимаюсь критиками, обращенными ко мнѣ въ качествѣ артиста. Для того, чтобы Вы могли вполне убѣдиться въ томъ, я объясню Вамъ мой образъ мыслей въ этомъ отношеніи. Критики въ дѣлѣ искусства не существуютъ, потому что наука эстетики не установилась и, слѣдовательно, нѣтъ постоянныхъ правилъ для опредѣленія „прекраснаго“. Это позволяетъ каждому блуждать наудачу въ области искусства, руководствуясь только собственными способностями, собственнымъ вкусомъ и, въ особенности, модою. Вы най-

¹⁾ Изъ письма Тамберлика къ г-ну Перивье. Статья „*L'ut dièsè de Tamberlick*“. „*Le Figaro*“. 24 nov. 1883.

дете, быть можетъ, что я приблизился къ парадоксу, но, повторяю, таковъ мой образъ мыслей¹⁾.

Популярность тамберликовскаго *ut diès'a* была такъ велика, что онъ сдѣлался сюжетомъ для цѣлаго ряда карикатуръ и даже водевилей²⁾.

Репертуаръ этого перваго изъ совершенныхъ *tenori di forza* былъ обширенъ и разнообразенъ³⁾.

Съ особеннымъ успѣхомъ онъ пѣлъ партіи Отелло, Трубадура, Пророка, Герцога („Риголетто“), Арнольда („Вильгельмъ Телль“), Васко-ди-Гама („Африканка“) и Дона Альворо („Сила Судьбы“).

Любопытно отмѣтить, что Верди только въ Петербургѣ познакомился и впервые слышалъ на сценѣ Тамберлика⁴⁾, талантъ котораго такъ много содѣйствовалъ успѣху вердиевскихъ оперъ.

¹⁾ „Современное Слово“. 1862 г. №№ 130 и 146.

²⁾ Напр., въ итальянск. журналѣ „*Il Secolo illustrato*“ въ 70-хъ годахъ была напечатана карикатура Дюрандо на Тамберлика съ надписью: „*Il tenore Tamberlick, il cui do dièsis fu celebre nel mondo*“.

Въ Петербургѣ въ Михайловскомъ театрѣ шелъ французскій водевиль „*Ut diès'e*“. Старикъ-равтье (Lemenil), страстный поклонникъ Тамберлика, поклялся выдать свою единственную дочь замужъ лишь за того, кто сможетъ взять *ut gièze*. Но дочь и ея возлюбленный одурячиваютъ старика: они перекладываютъ извѣстный дуэтъ Отелло и Яго для болѣе низкихъ голосовъ, а затѣмъ хитрецъ, исполняя съ товарищемъ этотъ дуэтъ, беретъ *ut-diès'e* (тотъ, да не тотъ) и покоряетъ старика, который и соглашается на бракъ обладателя „*ut'a*“ съ его дочерью.

³⁾ 1. Аффіетъ. „Море“. Гарольдъ. „Цампа“.
Бедлини. „Капулетти“. Гуво. „Фаустъ“.
„Норма“. 20. Давидъ. „Геркуланумъ“.
Берлиозъ. „Бенвенуто Челлини“. Дошицетти. „Велизарій“.
Верди. „Атилла“. „Лукреція Борджиа“.
„Валь-Маскарадъ“. „Полиевкъ“.
„Юанна Д'Аркъ“.. „Фаворитка“.
„Ломбардцы“. Мейербертъ. „Африканка“.
„Луиза Миллеръ“. „Гугеноты“.
10. „Навуходоносоръ“. „Пророкъ“.
„Разбойники“. Моцартъ. „Волшебн. Стрѣлокъ“.
„Риголетто“. „Донъ-Жуанъ“.
„Сила Судьбы“. 30. Риччи. „Мужъ и Любовникъ“.
„Травиата“. Россини. „Вильгельмъ Телль“.
„Трубадуръ“. „Моисей“.
„Фоскари“. „Отелло“.
„Эрнани“. 34. „Севильск. Цирульн.“.

⁴⁾ Это было въ 1861 г. 24 ноября 1861 г. Верди прибылъ въ Петербургъ для постановки своей оперы „*La Forza del destino*“ („Сила Судьбы“).

„Найдется ли во всемъ музыкальномъ мѣрѣ, восклицалъ современный критикъ ¹⁾, хоть одинъ дилеттантъ, который бы не восхищался Тамберликомъ въ роли венеціанскаго мавра („Отелло“)? Мы говоримъ, конечно, не объ одномъ только его *ut dièse*, а разумѣемъ, что роль эту отъ первой ноты до послѣдней Тамберликъ исполняетъ съ неподражаемымъ совершенствомъ” ²⁾. Въ „Трубадурѣ“ лучшая роль остается по-прежнему за Тамберликомъ (Манрико) ³⁾, талантливая натура котораго постоянно встрѣчаетъ восторженное сочувствіе всѣхъ людей съ сердцемъ, одаренныхъ музыкальнымъ слухомъ. Въ номера исполняетъ онъ съ тѣмъ твердо-выработаннымъ искусствомъ, которое составило его прекрасному, симпатичному голосу такую громкую славу“. Въ „Пророкѣ“ (роль Іоанна) Тамберликъ „исполняетъ свое дѣло художнически во все продолженіе оперы, какъ и слѣдуетъ такому прекрасному артисту. Особенно превосходенъ онъ въ дуэтѣ послѣдняго акта съ Фидесъ; что же касается до одушевленія и искусства, съ которымъ онъ исполняетъ извѣстный гимнъ третьяго акта „*Roi de ciel et des anges*“, то они выше всякихъ похвалъ и достойны лучшихъ его вдохновеній въ „Картѣ Смѣломъ“ или „Отелло“.—Въ „Картѣ Смѣломъ“ („Вальгельмъ Гелль“) Тамберликъ въ роли Ариольда выше всякой похвалы... тѣ сцены, въ которыхъ участвуетъ Тамберликъ, исполнены потрясающей силы, неудержимо увлекаютъ слушателя и настраиваютъ его очень высоко... Лучшая роль его обширнаго и разнообразнаго репертуара — роль Ариольда Мельхага... Тамберликъ безспорно первый Ариольдъ изъ современныхъ пѣвцовъ Европы“. По поводу исполненія роли Ричарда въ оперѣ Верди „Баль-Маскарадъ“) тотъ же критикъ отмѣчаетъ важное достоинство Тамберлика: „никто изъ современныхъ артистовъ не говоритъ серьезныхъ речитативовъ такъ выразительно, какъ онъ; даже самъ Рубини уступаетъ ему въ этой важной части искусства. Не гово-

¹⁾ М. Л.— в. вѣд. Итальянская опера въ Петербургѣ. „Современникъ“, т. LXXXV, LXXXVI и XCIV отд. II, т. XLII отд. VI.

²⁾ 11 января 1863 г. въ оперѣ Тамберлика давали „Отелло“. Баронъ Дельемова послѣ слова: „*Uccidimi... Caffretta, saziati al fin, crudel!*“ стрелой бросилась на Тамберлика—Отелло: до того видъ его былъ страшенъ. Поскользнувшись, Баронъ упала на спину и долго не могла оправиться отъ ушибовъ и царапинъ.

³⁾ Тамберликъ былъ первый „Трубадуръ“ на русской сценѣ (съ 1855 г.).

римъ уже о его безукоризненной чистотѣ итальянскаго произношенія — достоинство, которымъ на нашей сценѣ, кромѣ его да Кальцолари, никто не можетъ похвалиться*.

Тамберликъ былъ чрезвычайно добрый человекъ, чутко относившійся къ бѣдѣ ближняго, оупъ щедро помогаль нуждающимся и не копилъ денегъ, подобно своему коллегѣ Кальцолари.

Когда въ 1860 году (16 августа) скончался знаменитый актеръ А. Е. Мартыновъ, оставившій семью безъ всякихъ средствъ, Тамберликъ устроилъ въ ея пользу спектакль, въ которомъ, между прочимъ, ивль романсъ „Его ужъ нѣтъ, любимца славы“. Публика, растроганная до слезъ, заставила Тамберлика трижды спѣть этотъ романсъ. На нескончаемые вызовы Тамберликъ вывелъ на сцену трехъ маленькихъ дѣтей Мартынова и, обнявъ ихъ одною рукою, другою указаль на нихъ публикѣ, какъ бы отдавая ихъ подъ ея покровительство¹⁾.

Однажды въ Петербургѣ явился къ Тамберлику нѣкій малоизвѣстный, весьма нуждавшійся въ деньгахъ композиторъ съ просьбою участвовать въ его оперѣ „Дмитрій Донской“. Тамберликъ отнесся сочувственно къ просителю и добросовѣстно разучилъ по-русски партію Донского. Была поставлена лишь одна сцена этой незаконченной оперы. Тамберликъ въ шлемѣ и кольчугѣ взываль: „къ оружію, Россіяне!“ Онъ имѣль большой успѣхъ, сборъ былъ огромный.

Желая какъ-то помочь бѣдному художнику и въ то же время щадя его самолюбіе, Тамберликъ сталъ брать у него за большія деньги уроки живописи, хотя самъ хорошо рисоваль.

Въ 70-хъ годахъ Тамберликъ специально вѣдиль изъ Петербурга въ Шамбонъ (Chambon), близъ Блуа, для участія въ благотворительномъ концертѣ, устроенномъ тамъ по инициативѣ газеты „Фигаро“²⁾.

¹⁾ Вотъ текстъ романса на смерть Мартынова (музыка Булахова) со словами Куликова, передѣланный изъ романса „Ея ужъ нѣтъ“ (на смерть Возио):

I.

„Его ужъ нѣтъ, любимца славы,
„Кто такъ искусство уважалъ,
„Кто изучаль редные нравы,
„Кто самъ твориль — не подвизалъ.

II.

„Но ты на вѣкъ таланта силой
„Зажегъ любовь въ сердцахъ къ себѣ,
„Тебя ужъ нѣтъ, товарищъ милой,
„Но память вѣчная тебѣ!.

²⁾ „Le Figaro“, 1877. 21 mai.

Тамберликъ неоднократно выступалъ въ Петербургѣ въ концертахъ въ пользу бѣдныхъ учащихся и благотворительныхъ заведеній. Одинъ благотворительный концертъ его 11 апрѣля 1884 года въ залѣ Дворянскаго Собранія далъ чистаго сбора 6.433 рубля¹⁾.

Въ концертахъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ Тамберликъ обыкновенно исполнялъ; „Ave Maria“ Гуно, „Crucifixus“ Фора, „Le Printemps“ Мендельсона, „Cujus animam“—арія изъ „Stabat Mater“ Россини, дуэтъ изъ оперы „Отелло“ Россини и др. Изъ русскихъ романсовъ онъ пѣлъ: „Скажите ей“! (княгини Е. В. Кочубей, слова кн. Н. А. Долгорукова), „Я очи зналъ“ (княг. Кочубей, слова Ѳ. И. Тютчева), „Отчего скажи, душа-дѣвица“ (А. Н.), „Ты, волна моя морская“, „Ее ужъ нѣтъ“ (П. Булахова), „Его ужъ нѣтъ“ (П. Булахова, слова Куликова), „Съ озера вѣетъ прохладою и нѣгой“ (Дингельштета, слова Ѳ. И. Тютчева).

Особенною популярностью пользовался пѣтый Тамберликомъ романсъ „Скажите ей“. Одинъ изъ петербургскихъ друзей Тамберлика, нынѣ покойный Иванъ Осиповичъ Каргановъ обладалъ недурнымъ теноромъ и замѣчательнымъ даромъ подражанія. Онъ удачно имитировалъ пѣніе многихъ артистовъ, но особенно удавалась ему имитация Тамберлика. Объ этомъ узналъ Императоръ Александръ II. Каргановъ былъ приглашенъ во дворецъ, и Государь сказалъ ему: „Я слышалъ, что ты прекрасно подражаешь Тамберлику, покажи, какъ Тамберликъ поетъ „Скажите ей“. Государь остался очень доволенъ исполненіемъ Кар-

¹⁾ Изъ этой суммы 433 руб. были розданы бѣднымъ по личнымъ ихъ просьбамъ самимъ Тамберликомъ, а остальные 6000 руб. были распределены комитетомъ, избраннымъ Тамберликомъ, между слѣдующими учрежденіями: Университету—500 р., Технол. Институту—340 р., Женск. Вестужевск. курсамъ—180 р., Высш. Женск. Врачеб. курсамъ—180 р., Женск. Педагог. курсамъ—180 р., начальнымъ городскимъ училищамъ—120 р., Консерваторіи—1000 р., Академіи Художествъ—300 р., Музыкальн. классамъ при Педагог. Музеѣ воен.-учебн. завед.—200 р., Итальянск. благотв. общ-ву—300 р., Общ-ву ночлежныхъ пріютовъ—240 р., Обществу дешевыхъ квартиръ—240 р., Попечительству о бѣдн. дѣтяхъ—240 р., Попечительству о бѣдн. Рожд. части—240 р., Славянск. благотв. общ-ву—120 р., Евангеличesk. больницѣ—120 р., Филарм. вическому общ-ву—600 р., Кассѣ музыкальн. художниковъ—600 р. и Литературн. Фонду—300 р. См. „Нов. Вр.“ 1884 г. №№ 2919 и 2922. Въ составѣ комитета входили: М. С. Лалаевъ, Н. П. Нарановичъ, Н. К. Шведовъ, К. Ю. Давыдовъ, К. И. Бергамаско, И. О. Каргановъ, П. Л. Петерсенъ и г. Ротеръ.

гапога и нѣсколько разъ заставилъ его повторить „подъ Тамберлика“ этотъ романсъ.

Петербургская публика обожала „Андрея Ивановича“ — такъ называли Тамберлика. Извѣстный ¹⁾ покойный Скальковскій по этому поводу писалъ:— „Буквально въ значительной части петербургскихъ кружковъ ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о Тамберликѣ, что остроумно, описалъ въ одной изъ своихъ повѣстей Николай Успенскій. Трудно выдумать картину болѣе эффектную, какая представлялась ежегодно въ бенефисъ Тамберлика. Давался обыкновенно „Отелло“ и при появленіи топора въ гондолѣ въ 1-мъ актѣ буквально весь театръ, даже дамы въ ложахъ, вставали съ своихъ мѣстъ и неистовыя оваціи продолжались минутъ пять.

„Молодежь просто боготворила Тамберлика; оваціи были особенно сильны тамъ, гдѣ видѣли малѣйшій случай для намековъ на тогдашнія либеральныя вѣянія. Фразу „сег-сег la liberta“! въ „Вильгельмѣ Теллѣ“ заставляли Тамберлика повторять по 3 и по 5 разъ“ ²⁾.

Немудрено, что молодежь „боготворила“ Тамберлика.— „Кромѣ поклоненія Тамберлику, какъ великому, феноменальному пѣвцу, писало „Новое Время“ ³⁾, ему поклонялись какъ человѣку, какъ задушевнѣйшему другу учащейся молодежи. Не говоримъ о томъ, какіе сборы въ свое цвѣтущее время онъ дѣлалъ концертами въ пользу учащейся молодежи (главнымъ образомъ, студентовъ университета), на его личный гонораръ воспитывались десятки молодыхъ людей. Получая громадную плату отъ дирекціи, Тамберликъ никогда не имѣлъ денегъ и, если вывезъ что-нибудь изъ Петербурга, то это была сумма ничтожная въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ могъ бы вывезти. Тамберликъ такъ много помогалъ русской учащейся молодежи и такъ деликатно помогалъ какъ никто и никогда изъ чужеземныхъ артистовъ, пріѣзжающихъ къ намъ для сбора денегъ“.

27 февраля 1867 года въ „Африканкѣ“ Тамберликъ простился съ петербургскою сценою, на которой пѣлъ почти непрерывно 19 лѣтъ.

¹⁾ К. Скальковскій. Въ театральномъ мірѣ. СПб. 1899 года. Стр. IX—X.

²⁾ Любопытная подробность: послѣ смерти Тамберлика осталась собранная имъ большая коллекція автографовъ извѣстныхъ революціонеровъ всѣхъ странъ міра.

³⁾ „Новое Время“. 1881 г. № 2905 (30 марта).

Осенью 1870 года, послѣ 3-хъ-лѣтняго отсутствія, Тамберликъ вновь прїѣхалъ въ Россію. Знаменитому пѣвцу было уже 50 лѣтъ. Выступленіе его 24 сентября въ Москвѣ въ Большомъ театрѣ въ „Трубадурѣ“ было для него печально: онъ сдѣлался жертвою интриги и былъ ошиканъ ватагою наемныхъ негодяевъ при первомъ появленіи на сцену.

„Занавѣсъ взвился, ишетъ рецензентъ „Русскихъ Вѣдомостей“¹⁾, и когда послѣ первыхъ речитативовъ изъ-за кулисъ ползлись звуки серенады, сверху сейчасъ же раздалось единодушное шиканье. Тамберликъ, впервые выступившій передъ московской публикой и съ замираніемъ сердца ожидавшій ея привѣтствія, былъ встрѣченъ такъ, какъ можно встрѣтить развѣ только уличнаго гаера, случайно попавшаго на сцену. Первый представитель драматическаго пѣнія въ Европѣ, пѣвецъ, равнаго которому нѣтъ и теперь по музыкальной декламации и фразировкѣ, артистъ, стяжавшій уваженіе образованнаго міра, былъ ошиканъ московскими плебеями. Участъ спектакля была рѣшена: оперы уже не было—начался скандалъ въ четырехъ актахъ. Стоило пѣвцу выйти изъ-за кулисъ и открыть ротъ, какъ неистовое шиканье сейчасъ же заглушало и его голосъ и звуки оркестра. Крики „браво“ и аплодисменты въ партерѣ и ложахъ, какъ протестъ противъ этой трактирной вакханаліи, покрывались ревомъ верхняго ряда, перемѣшаннымъ съ шипѣньемъ сотни наемныхъ ртовъ. Оркестръ четыре раза начиналъ играть, чтобы чѣмъ-нибудь остановить расходящуюся и никѣмъ не останавливаемую сволочь—но ничто не помогало. Изобрѣтая новыя оскорбленія артисту, эта толпа уличнаго сброда продолжала неистово реветъ, настаивая, чтобы выходили все артисты, участвовавшіе въ предыдущей сценѣ, исключая только Тамберлика...

„Описывать далѣе все безобразіе этого вечера мы не считаемъ нужнымъ. Скажемъ только, что Тамберликъ пѣлъ всю свою партію подъ аккомпаниментъ не оркестра, а громкаго шиканья райка и еще болѣе громкаго, ничѣмъ не сдерживаемаго, раздававшагося на весь театръ дружнаго гоготанья наемнаго сброда и непристойныхъ криковъ болѣе нахальныхъ его зашвадь...

„Обращаясь затѣмъ къ г. Тамберлику, мы съ увѣренностью позволимъ себѣ сказать, что онъ, безъ сомнѣнія,

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 1870 г. № 205 (25 сент.).

отнесется къ этому дѣланному и направленному противъ него скандалу съ тѣмъ презрѣніемъ, какого онъ заслуживаетъ. Г. Тамберликъ долженъ знать, что все, что было истинно порядочнаго въ этотъ вечеръ въ театрѣ, было до глубины души возмущено безпримѣрнымъ, невѣжественнымъ поведеніемъ подставной ватаги купленной сволочи. Та же сволочь, мы убѣждены, будетъ черезъ нѣсколько дней неистово анлодировать г. Станьо, неумѣющему разинуть рта безъ фальшивой поты, и за него будетъ такъ же драть свое наемное горло, какъ теперь пускало его въ дѣло для нанесенія знаменитому артисту, самаго тяжкаго изъ оскорбленій, какія только могутъ быть наносимы сценическимъ дѣятелямъ“.

Вскорѣ имена устроителей скандала были выяснены ¹⁾. Въ числѣ ихъ были два представителя иностранной купеческой колоніи въ Москвѣ и одинъ богатый юноша изъ коренной московской семьи. Эти лица скупили большую часть мѣстъ 5 го яруса и роздали ихъ подъ извѣстнымъ условіемъ разнымъ темнымъ личностямъ. Въ скандалѣ принимали участіе и кое-кто изъ студентовъ Московскаго университета. Повидимому, эти юнцы не вѣдали, что творили.

28 сентября Тамберликъ получилъ изъ Петербурга телеграмму отъ товарищей по Петербургскому Собранію Художниковъ слѣдующаго содержанія:—Глубоко возмущенные оскорбленіемъ Вашего таланта въ Московскомъ театрѣ, шлемъ Вамъ дружескій привѣтъ, какъ артисту, таланту котораго удивляются все русскіе артисты и художники“ ²⁾.

Тамберликъ отвѣтилъ на эту телеграмму ³⁾:—„Я до глубины души тронутъ Вашимъ добрымъ участіемъ. Я не могъ ожидать многого отъ собратій моихъ по искусству и людей сѣрдца. Я очень счастливъ, имѣя возможность сказать, что и здѣсь, въ Москвѣ, встрѣтилъ я и въ публикѣ, и въ средѣ артистовъ русскихъ и итальянскихъ, и въ частныхъ кружкахъ полное сочувствіе и людей, давшихъ мнѣ, подобно Вамъ, живыя и драгоцѣнныя доказательства ихъ сердечной симпатіи и пособившихъ мнѣ въ первыя минуты перепести тяжелыя оскорбленія, а потомъ съ презрѣніемъ отнестись къ низкой интригѣ, ихъ породившей. Примите мою благодарность. Тамберликъ“.

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“ 1870 г. № 206 (26 сент.).

²⁾ „Московскія Вѣдомости“ 1870 г. № 208 (29 сент.).

³⁾ „Русскія Вѣдомости“ 1870 г. № 207.

1-го октября депутація Русскаго Музыкальнаго Общества поднесла Тамберлику адресъ, составленный въ слѣдующихъ выраженіяхъ ¹⁾: „Пѣвцу-Солисту Двора Его Императорскаго Величества г. Тамберлику.

— „Мы, нижеподписавшіеся, глубоко огорченные прискорбнымъ событіемъ 24 сентября, считаемъ долгомъ заявить Вамъ, Милостивый Государь, что профессора Московской Консерваторіи энергически протестуютъ противъ неприличнаго отношенія московской публики къ первому выходу на нашей оперной сценѣ одного изъ знаменитѣйшихъ и достойнѣйшихъ представителей европейскаго искусства.

„Примите, Милостивый Государь, отъ насъ увѣреніе, что мы всегда умѣли цѣнить Вашъ высокій талантъ и что мы глубоко огорчены тѣмъ, что, вынужденные, вслѣдствіе нанесеннаго Вамъ оскорбленія, покинуть нашъ городъ, Вы лишаете насъ возможности и впредь наслаждаться Вашимъ искусствомъ“.

Этотъ адресъ подписали: Н. Рубинштейнъ, П. Чайковскій, Александръ Розмадзе, Э. Л. Лапгеръ, Николай Кашкинъ, Вильгельмъ Фитценхагенъ, Ferdinand Laub, Н. Гурбертъ, В. Кашперовъ, G. Galvani.

Въ тотъ же день Тамберликъ получилъ адресъ отъ Московскаго Артистическаго Кружка съ 73 подписями ²⁾.

Несмотря на обращенныя къ нему настоятельныя приглашенія протѣжать свое участіе въ московской оперной труппѣ, Тамберликъ рѣшительно отказался отъ дальнѣйшаго пребыванія въ Москвѣ и, какъ выразился, отъ чести служить искусству на такой сценѣ, гдѣ артистъ такъ легко можетъ сдѣлаться жертвою дешевой закулисной спекуляціи“.

3-го октября Тамберликъ выѣхалъ въ Петербургъ.

Другъ и горячій поклонникъ Тамберлика М. С. Л—въ тогда же написалъ экспромптъ, посвященный „московскимъ меломанамъ“:

„Крыловъ намъ предсказалъ о томъ скандалѣ дикомъ,
„Случившемся въ Москвѣ, въ началѣ октября, ³⁾
„Гдѣ роли старыя „Оста“ и „Соловья“
„Такъ живо сыграны Москвой и Тамберликомъ.

¹⁾ „Русск. Вѣдом.“ 1870 г. № 210 и „Моск. Вѣдом.“ 1870 г. № 211.

²⁾ „Русскія Вѣдомости“ 1870 г. № 210.

³⁾ По новому стилю.

А вотъ экспромптъ и другого поклонника Тамберлика
М. А. Г—зова:

„Мы ждемъ сегодня Тамберлика—
„Пѣвца, какихъ ужъ больше нѣтъ,
„Что изъ Москвы поганцевъ клика
„Чуть не на тотъ послала свѣтъ!

* * *
„Москва, ошибавъ Тамберлика,
„Срѣбя ошибала до дна,
„И показала, что ни лыка
„Не вяжетъ въ музыкѣ она,

* * *
„Что видѣть, слышать Тамберлика,
„Не по плечу, не къ рожѣ ей,
„Что прелесть Станьовскаго ¹⁾ крика
„Одна во вкусѣ москвичей.

* * *
„Все это вздоръ для Тамберлика,
„Кабакъ московскій онъ забылъ;
„Пусть онъ Москвой былъ принятъ дико,
„Но намъ всегда онъ дорогъ былъ!

15 окт. 1870 г.

По прїѣздѣ Тамберлика въ Петербургъ, его поклонники занялись хлопотами объ устройствѣ въ Большомъ театрѣ спектакля съ его участіемъ. Рѣшено было дать того же „Трубадура“. Спектакль состоялся 17 октября.

Приведемъ выдержку изъ отчета объ этомъ спектаклѣ изъ газеты „Голосъ“ ²⁾:—„Сегодня, 17 октября, въ „Трубадурѣ“ дебютировалъ нашъ давнишній и любимый знакомый г. Тамберликъ, бросившій Москву, гдѣ такъ нелѣпо, такъ безтактно поступила съ нимъ публика при первомъ его появленіи на сцену. Не то было здѣсь. Такого восторженнаго пріема, какого мы нынче были свидѣтелями, давно не удостоивался ни одинъ артистъ на нашей сценѣ. Это былъ истинный фюге. При первомъ появленіи Тамберлика раздавался такой громъ рукоплесканій и криковъ браво, отъ котораго нѣсколько минутъ буквально дрожало зало театра. Восторженныя вызовы и восклицанія продолжались до конца оперы; аплодировалъ весь театръ—отъ партера до райка: дамы, стоя въ ложахъ, махали платками; музыканты въ оркестрѣ оплодировали еще усердиѣе. Словомъ, торжество артиста было полнѣйшее и, прибавимъ, вполне заслуженное“.

¹⁾ Станьо—итальянскій теноръ, любимецъ Москвы.

²⁾ „Голосъ“ 1870 г. № 288.

„Journal de S-t Pétersbourg“ ¹⁾ по поводу этого спектакля писалъ:—„Знаменитый артистъ отомщенъ, достойно отомщенъ за непонятное и гнусное коварство, которымъ онъ былъ оскорбленъ въ Москвѣ. Никогда, конечно, во всей его блестящей карьерѣ, онъ не имѣлъ успѣха, подобнаго тому, какой онъ имѣлъ въ этотъ вечеръ. Никогда онъ не заслуживалъ болѣе овацій, которыя ему доставлялъ его великолѣпный талантъ... Далекій отъ потери голоса, съ тѣхъ поръ какъ онъ насъ покинулъ, онъ приобрѣлъ, сохраняя звучность голоса, нѣжность оттѣнковъ и искусство *tendre mezza voce*, которое мы въ немъ не знали... Тамберликъ уже не молодой артистъ, но въ то же время и не старшій, и успѣхъ останется вѣрнымъ этому священному таланту, этому первоклассному артисту, этому великому—пѣвцу и въ то же время драматическому артисту и великому лирическому трагику“.

Появленіе Тамберлика въ 1870 году въ „Трубадурѣ“ было послѣднимъ выступленіемъ его на русской сценѣ ²⁾.

Прошло 14 лѣтъ, и Тамберликъ, на порогѣ 65-го года жизни ³⁾, вновь появился въ Петербургѣ, приглашенный сюда своими друзьями и почитателями, узнавшими о его тяжеломъ матеріальномъ положеніи.

23-го марта 1884 года, встрѣчая Тамберлика на Варшавскомъ вокзалѣ, М. С. Л.—въ привѣтствованіи его слѣдующими словами (на франц. языкѣ):—„Дорогой Тамберликъ! Мы, ваши старые петербургскіе друзья, благословляемъ Бога, давшаго намъ счастье снова видѣть Тамберлика бодрымъ и здоровымъ, какъ всегда, радость обнять этого дорогого всѣмъ намъ человѣка и „la douce Speme“ слышать еще разъ перваго пѣвца въ мірѣ. Будьте увѣрены, дорогой другъ, что сегодня болѣе чѣмъ когда-либо Вы будете желаннымъ гостемъ въ Петербургѣ“.

¹⁾ 1870 г. № 230.

²⁾ Съ тѣхъ поръ онъ пѣлъ лишь за границей. 1871-й годъ былъ особенно обиленъ его гастролями: съ 1 янв. по 15 апр.—въ Мадридѣ. Здѣсь, между прочимъ, [онъ пѣлъ по-испански въ оперѣ испанскаго композитора Арріета „Magina“; съ 15 апр. по 15 мая—на Мариникѣ, на о-вѣ Св. Томы, въ Гавани и въ Вера-Круцѣ, съ 15 мая по 15 сент.—въ Мексикѣ.

³⁾ Н. Б. Бертенсонъ въ своихъ воспоминаніяхъ „За тридцать лѣтъ“ („Историч. Вѣств.“ 1913 г. Окл. Стр. 109—111) ошибся, сказавъ что въ 1884 г. Тамберликъ пріѣхалъ „семидесятипятилѣтнимъ старикомъ“.

— „Онъ здѣсь! восклицала хроникеръ „Новаго Времени“¹⁾, этотъ когда-то несравненный теноръ, чудесный актеръ, обладавшій огненною энергіею, заставлявшій трепетать сердца. Ни одинъ теноръ не пользовался такою любовью публики и, можетъ быть, именно потому, что ни одинъ не обладалъ такою энергіею, такою страстностью... Тенора обыкновенно любимцы дамъ. Тамберликъ былъ по преимуществу любимецъ мужчинъ, онъ дѣйствовалъ на толпу именно тою стороною могучаго своего таланта, которая находила откликъ въ мужской душѣ.

„Встрѣча его была самая задушевная, дружеская, трогательная. Нѣкоторые встрѣтили его въ Псковѣ, другіе въ Гатчинѣ. Объятія, поцѣлуи и слезы. Пѣвецъ былъ растроганъ, погомъ воодушевился; много говорили, вспоминали старину. Тамберликъ напѣвалъ русскіе романсы... Пріѣхали, сѣли въ карету и тронулись въ отель²⁾, гдѣ все было приготовлено, даже бумага для писемъ съ его вензелемъ.

„Только-что лошади пробѣжали нѣсколько шаговъ, крики: „стой, стой!“ Что такое? „Стой, говорятъ тебѣ!“ Никольскій и Орловъ заградили дорогу. Никольскій, этотъ тоже удивительный русскій теноръ, бросился въ объятія Тамберлика, повторяя: „Тамберликъ, Тамберликъ, Тамберликъ!“ а слезы радостной встрѣчи такъ и текли по щекамъ этого россиянина, плохого актера, но лучшаго русскаго тенора, какой когда-либо существовалъ“.

Въ Петербургѣ Тамберликъ выступилъ въ четырехъ концертахъ въ залѣ Дворянскаго Собранія: 26 и 29 марта, 11³⁾ и 18 апрѣля.

В. Б. Бертенсонъ такъ вспоминаетъ о генеральной репетиціи этого концерта: ⁴⁾ „На генеральной репетиціи, куда были допущены только нѣсколько старинныхъ друзей Тамберлика и въ видѣ особаго исключенія, благодаря К. Ю. Давыдову, и я, взоры всѣхъ устремились на знаменитаго пѣвца. Аккомпанировалъ тогда талантливый Коръ-де-Ласъ.

¹⁾ „Нов. Время“. 1884 г. № 2901.

²⁾ Въ Европейскую гостиницу. Здѣсь Тамберликъ занималъ № 17.

³⁾ 11-го же апрѣля утромъ Тамберликъ въ Мальтійской Католической церкви, что при Нахескомъ Корпусѣ, за обѣдней исполнилъ „Sanctus“ Гуно съ замѣчательною выразительностью. Небольшая церковь не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ его слышать, и на дворѣ корпуса образовалась огромная толпа народа. „Нов. Время“. 1884 г. 12 апр. № 2916.

⁴⁾ В. В. Бертенсонъ „За тридцать лѣтъ“.

крупная, нѣсколько тучная фигура съ не особенно большою крашеною черною стриженою бородою, съ рѣдкою шевелюрою, черными глазами и большимъ, нѣсколько широкимъ носомъ, очень походила на всѣмъ извѣстныя маленькія фотографіи, сохранившіяся еще съ того времени, когда онъ въ послѣдній разъ пѣлъ въ Петербургѣ.

„Несмотря на то, что изъ семи ¹⁾ присутствовавшихъ на генеральной репетиціи только, кажется, я одинъ не слышалъ его раньше, меня, какъ и всѣхъ прочихъ, охватило замѣтное волненіе. Началась репетиція съ „Stabat Mater“ Россини.

„Въ первую минуту пѣнія Тамберлика я глубоко началъ сожалѣть стараго пѣвца. Отсутствие визовъ и расшатанная середина голоса, съ какимъ-то особеннымъ звукомъ, заставили меня придвигать неудачу концерта, но, о чудо, чѣмъ дальше пѣлъ этотъ волшебникъ, тѣмъ больше крѣпнущъ его голосъ, приобрѣтая непопятную силу и звучность; когда же Тамберликъ взялъ высокое „си“ ²⁾ въ знаменитомъ дуэтѣ „Crucifixus“ Фора, спѣтомъ имъ съ Корсовымъ (какъ извѣстно, тоже очень хорошимъ пѣвцомъ), восторгу нашему не было конца“.

Въ первомъ концертѣ (26 марта)—съ участіемъ г-жи Тэрьянь-Каргановой и г.г. Корсова и Ауэра, Тамберликъ исполнилъ: тріо изъ оп. „Вильгельмъ Телль“ Россини (съ Карсовымъ и Угэтти), „Ave Maria“ Гуно (съ Ауэромъ), „Crucifixus“ Фора (съ Карсовымъ) и романсъ „Скажите ей“ кн. Кочубей.

— „Тамберликъ юнъ и свѣжъ по-прежнему ³⁾; это ясно всѣмъ тѣмъ, кто никогда не слышалъ его въ блестящіе его дни. Только немногимъ избранникамъ, истиннымъ артистамъ, въ родѣ Маріо, Нодель, Петрова и др., дано чаровать слушателей на склонѣ дней, какъ и въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Публика это сознавала, и даже тѣ, кто пріѣхали просто изъ любопытства послушать—какой голосъ еще остался у Тамберлика, были поражены. Но равнодушно-

¹⁾ В. Б. Бертенсонъ ошибается: на генеральной репетиціи присутствовало множество лицъ—едва-ли не половина залы Дворянскаго Собранія была ими занолнена.

²⁾ Не только верхнее „си“, но и знаменитый *ut dièse* Тамберликъ въ 1884 г. сохранилъ еще во всей неврикословенности: сила, съ которою онъ во 2-мъ концертѣ исполнилъ весь дуэтъ „Si dopo lei“ превзошла всякія ожиданія. См. „Нов. Время“, 1884 г. № 2904 (29 марта).

³⁾ „Новое Время“, 1884 г. № 2902 (27 марта).

любопытныхъ было немного. Въ Залѣ Дворянскаго Собранія было тѣсно отъ горячихъ почитателей артиста, знавшихъ его во всемъ блескѣ его рѣдкаго таланта и силы. Казалось, эти лица сами помолодѣли. Безъ сомнѣнія, всѣ сердца билась въ униссонъ, всѣ также были заинтересованы успѣхомъ пѣвца, какъ и онъ самъ, всѣ точно такъ же волновались, какъ и артистъ, который долженъ былъ появиться передъ старыми друзьями. А онъ сильно волновался. Передъ началомъ концерта, сидя въ артистической комнатѣ, онъ говорилъ одной дамѣ, что робѣетъ и боится такъ, какъ будто бы дѣло идетъ о первомъ дебютѣ. На дѣлѣ волноваться не приходилось. И артистъ, и слушатели разомъ возобновили прежнія сердечныя отношенія. Тамберлика, очень бодрого и свѣжаго по виду, встрѣтилъ громъ рукоплесканій; вся зала невольно поднялась на ноги... О голосѣ Тамберлика мы не будемъ говорить: дѣло не въ голосѣ, хотя высокія ноты его замѣчательно сохранились, но въ умѣнны владѣть имъ, въ неподобной фразировкѣ, въ огнѣ и мужественной силѣ, поражающей и подчиняющей слушателей и теперь, какъ прежде. Тамберликъ производилъ такое впечатлѣніе, точно мы встрѣтили стараго, дорогого намъ друга, который разбудилъ въ насъ милое намъ прошлое и заставилъ взглянуть иначе и на прошедшее и на настоящее*.

— „Случалось ли вамъ видѣть, писалъ А. С. Суворинъ), прекрасныя античныя статуи, тронутыя временемъ, статуи, у которыхъ недостаетъ руки или ноги, но которыя, несмотря на это, производятъ такое полное впечатлѣніе своей изящной красотой, что вы невольно забываете недостающія части и вполне воспроизводите въ воображеніи цѣлое, созданное художникомъ, и оно предстаетъ вамъ въ такой чудесной красотѣ и свѣжести, какъ будто вышло сейчасъ изъ-подъ его рѣзца, какъ будто сокрушающая рука времени не касалась ихъ? Вотъ точно такое же впечатлѣніе произвело на меня, да, вѣроятно, и на многихъ слушателей нѣніе Тамберлика въ залѣ Дворянскаго Собранія въ понедѣльникъ. Удивительное гармоническое сочетаніе таланта и артистичности, вдохновенія и технической выработки до такой степени дѣйствовало на слушателей, что, несмотря на нѣкоторые, весьма естественные [въ] преклонномъ возрастѣ артиста недочеты въ голосѣ, его пѣніе казалось

*) „Новое Время“. 1884 г. № 2903 (28 марта).

все такимъ же, какимъ оно было въ высшій періодъ процвѣтанія его артистической карьеры: ваволнованное чувство и воображеніе невольно пополняли то, чего не достаетъ въ голосѣ пѣвца. Такъ волшебна, такъ обаятельна артистичность и задушевность Тамберлика, такъ горячо увлекаетъ пѣвецъ всю залу, такъ волнуетъ и электризуетъ его пѣвіе.

„Необычайное и поучительное зрѣлище представляли въ поведѣльникъ и этотъ маститый пѣвецъ, и собравшая послушать его публика. Это зрѣлище было необычайно и поучительно потому, что въ наше время всевозможной напряженной гоньбы за выраженіемъ фальшивыхъ, тенденціозныхъ сочувствій, мы отвыкли отъ искренняго, сердечнаго энтузіазма, а здѣсь этотъ энтузіазмъ господствовалъ въ полной силѣ. Старый пѣвецъ, столько лѣтъ не появлявшійся передъ этою публикою, надъ которой когда-то онъ царилъ полновластно, выступилъ передъ ней съ видимою робостью молодого дебютапта: ноты дрожали въ его рукахъ отъ волненія. Но вотъ раздался его голосъ и, несмотря на вибраціи, на недостатокъ нѣкоторыхъ нотъ, въ немъ послышалась и былая мощь, и былая красота, и не охлажденная годами артистическая страстность... Слушатели замерли, художникъ-пѣвецъ захватилъ ихъ душу, и знакомое волненіе овладѣло всей залой. Тамберликъ, прежній Тамберликъ, стоялъ передъ ними и сколькимъ изъ нихъ онъ напоминалъ

О быломъ, о погибшемъ, о старомъ....

Подъ конецъ концерта, послѣ романса „Скажите ей“ многіе слушатели бросились къ эстрадѣ и протягивали руки артисту, и растроганный пѣвецъ, съ простодушной старческой улыбкой, со слезами на глазахъ, встрѣчалъ горячія пожатія этихъ рукъ. И онъ, и публика переживали, конечно, одну изъ лучшихъ исторій ихъ жизни“.

Вотъ любопытное стихотворное описаніе перваго концерта Тамберлика¹⁾.

На концертѣ Тамберлика.

(Набросокъ съ натуры).

Шумитъ роскошный залъ дворянскаго собравья,
Волнуется толпа при свѣтѣ яркихъ свѣчъ,
Съ невнятнымъ шепотомъ отрывистая рѣчь
Слышна и здѣсь, и тамъ, въ тревогѣ ожиданья.

¹⁾ „Петербургскій Листокъ“. 1884 г. № 86. Въ этомъ же номерѣ пространный и восторженный отзывъ объ этомъ концертѣ.

Какой же силой, кто могъ сюда согнать
 Всю эту пестроту, и чопорную знать,
 Съ цвѣтущей младостью, въдыхающую дряхлость,
 Избытокъ юныхъ силъ и старческую чахлость?
 Кто этотъ чародѣй, плѣнительный кумиръ??
 Губами шамкая, старушекъ цѣлый мѣръ,
 Въ уродливыхъ чепцахъ, не дорожа боками,
 Насильно лѣзъ впередъ и дѣйствовалъ руками.
 Я видѣлъ дряхлаго съдого старика,
 По лѣстницѣ его вели два гайдука,
 А третій, взятый имъ, конечно, для подмоги,
 Ему передвигалъ ослабнувшія ноги,
 Но радостно сіялъ почтенный старца ликъ
 И полнымъ счастьемъ дышала вся фигура...
 Чу, загремѣлъ оркестръ... умолкла увертюра,
 Съ взволнованной душой явился Тамберликъ.
 И грянулъ дружный взрывъ такихъ рукоплесканій,
 Что будто дрогнулъ залъ до самыхъ основаній;
 Затѣмъ — все замерло, и съ голосомъ пѣвца
 Восторженно слились и мысли, и сердца...

Съ надменностью смотря на молодое племя,
 Твердила межъ собой сѣлая старина:
 — „Такіе-то пѣвцы бывали въ наше время!
 За то и слава имъ не даромъ отдана.

Съ прямою честностью, святую силу чувства
 Не сгладить быстрый ходъ неумолимыхъ лѣтъ;
 А нынче — кто живетъ святынею искусства?
 Кто истинный пѣвецъ? кто истинный поэтъ?
 И съ грустью посмотрѣвъ на нынѣшніе нравы,
 Невольно молвилъ я: „старушки-то вѣдь правы“!

Классикъ.

За ужиномъ, устроеннымъ послѣ концерта въ общей залѣ „Европейской Гостиницы“ въ честь Тамберлика кружкомъ его поклонниковъ, первымъ говорилъ почтенный генералъ М. С. Л—въ.

— „12 марта 1856 года, сказать онъ, въ той же самой залѣ (Дворянскаго Собранія) молодой поручикъ, слышавшій вдохновенное пѣніе Тамберлика, до такой степени пришелъ въ восторгъ, что бросился на эстраду и вырвалъ у артиста его носовой платокъ, который въ то же мгновеніе былъ разорванъ толпою поклонниковъ великаго артиста на тысячу кусковъ. Этотъ поручикъ — былъ я, а вотъ обрывокъ носового платка, который я сохранилъ въ память живого энтузіазма, который не остынетъ.

— „Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, много лѣтъ однообразной и прозаической жизни, которые заставили

меня думать, что нѣтъ уже силы на свѣтѣ, которая была бы способна вырвать мою душу изъ оцѣпенѣнія. „Nessun maggior dolore, che ricordarsi del tempo felice nella miseria!“ ¹⁾

Но... въ эти дни я могъ убѣдиться, что, слава Богу, такая сила существуетъ: восхищаясь и обнимая дорогого и добраго Тамберлика, слушая восхитительное пѣніе этого знаменитаго артиста, я почувствовалъ, что мое сердце оживаетъ, благодаря священному огню генія, и въ мои старые годы я плакалъ, да, господа, я плакалъ „Comme on pleure à vingt ans!“ ²⁾ (Какъ плачутъ въ 20 лѣтъ!) Мнѣ пришли на память слова нашего великаго поэта:

„И сердце бьется въ упоеньи,
И для него воскресла вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.“

Кто изъ насъ не проливалъ этихъ слезъ, слушая Тамберлика, кто не поднищется съ восхищеніемъ: *Questo e il vero canto?*

Вотъ почему мы должны вновь благодарить Небо, сохранившее намъ во всей своей чистотѣ этотъ неизсякаемый источникъ глубокой радости! Поднимаемъ же наши бокалы за драгоцѣнное здоровье нашего дорогого гостя, за столь симпатичный талантъ, за этого несравненнаго артиста, воспоминаніе о которомъ никогда не изгладится изъ нашихъ признательныхъ сердецъ. *Evviva. Тамберликъ, evviva!!!* ³⁾

Четвертый концертъ Тамберлика (18 апрѣля) былъ наиболее блестящимъ. Триумфъ его раздѣляли съ нимъ А. В. Панаева, г.г. Тартаковъ и Давыдовъ (віолончель). Программа этого концерта заключала, между прочимъ, новостъ въ репертуарѣ Тамберлика—первыя строфы изъ „Нерона“

Послѣ этой пьесы Тамберлику были поднесены серебряный жбанъ и двѣ великолѣпныя серебряныя вазы—результатъ устроенной В. А. Рубинштейнъ ⁴⁾ подписки, давшей около 2.000 рублей.

¹⁾ „Нѣтъ большей скорби, какъ вспоминать о счастливомъ времени—въ несчастіи“. (Эти слова пѣсни гондольера въ оперѣ Россини „Отелло“ заимствованы у Данте изъ „Божественной Комедіи“).

²⁾ „Comme on pleure à vingt ans!“—выраженіе, взятое изъ популярнаго въ то время романа.

³⁾ Эта рѣчь была произнесена по французски.

⁴⁾ Супруга знаменитаго А. Г. Рубинштейна.

Матеріальный результатъ этихъ четырехъ концертовъ Тамберлика былъ исключительно блестящъ: валовой сборъ выразился суммою въ 32.500 руб., чистый сборъ—25.000 руб. Изъ этихъ денегъ, какъ мы говорили раньше, великодушный Тамберликъ удѣлилъ нуждающейся молодежи около 6.000 руб. (сборъ съ 3-го концерта ¹⁾).

За ужиномъ, устроеннымъ послѣ четвертаго концерта въ „Европейской Гостиницѣ“, генераль Л—въ отъ имени поклонниковъ Тамберлика поднесъ ему золотой жетонъ съ изображеніемъ самого Энрико ²⁾).

Много горячихъ, задушевныхъ рѣчей было сказано за ужиномъ ³⁾. Не лишено оригинальности прочитанное тогда же письмо (на франц. языкѣ) отсутствовавшего поклонника Тамберлика г-на Рем—скаго, вспоминаяшаго, какъ въ 1854 году, въ послѣдній день масленицы, онъ, будучи морскимъ кадетомъ, пришелъ отъ Тамберлика (шла опера „Zogà“ или „Моисей“) въ такой бѣшенный восторгъ, что произвелъ въ Большомъ театрѣ буйство, за которое попалъ тремя сутками ареста. Вспоминая этотъ эпизодъ, какъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ впечатлѣній юности, г. Р. высказалъ, что онъ радъ-радехонекъ и теперь, какъ 30 лѣтъ назадъ, попасть даже на „сѣзжую“, чтобы только побывать „au siége des heureux de cette terre“, слушающихъ Тамберлика.

Лучше всѣхъ говорилъ, однако, самъ Тамберликъ, оказавшійся превосходнымъ ораторомъ. Старый Энрико съ большимъ воодушевленіемъ сказалъ, между прочимъ:— „Горячія изъявленія симпатіи, которыя я встрѣтилъ среди васъ, подняли мои силы. Такъ же плодотворныя, какъ живая вода, ваши горячія оваціи позволили мнѣ повѣрить въ возвращеніе молодости. Иллюзія была почти полная, но... дѣйствительность скоро придетъ заявить свои права.

¹⁾ Подробные отчеты о 2-мъ концертѣ—въ „Нов. Вр.“ 1884 г. № 2906 (31 марта), о 3-мъ концертѣ—въ „Нов. Вр.“ 1884 г. № 2916 (12 апр.), о 4-мъ концертѣ—въ „journal de St. Pétersbourg“. 1884 г. № 104 (20 апр.).

²⁾ Тамберлику было поднесено еще 9 такихъ жетоновъ для: его сына, дочери, старшаго внука, 2-хъ племянниковъ (г.г. Новивскаго и Горскаго), пѣвца и композитора Фора—друга Тамберлика, В. А. Рубинштейнъ, А. В. Панаевой и И. О. Карганова.

³⁾ Говорили рѣчи (на франц. языкѣ): М. С. Лалаевъ, г.г. Сабуровъ, Пято, Панаевъ и Михайловъ.

„Приближается моментъ, когда я долженъ съ вами расстаться, и мои юныя иллюзіи исчезнуть, какъ только я васъ покину. Но вотъ что никогда не исчезнетъ отъ меня—это воспоминаніе о вашей дружбѣ, это чувство признательности къ вамъ...

„Милостивые государи! Бываютъ минуты, когда самый скептической челоѣкъ, поверхъ матеріальнаго существованія, провидитъ нѣчто такое, что возноситъ его въ высшія сферы невѣдомаго и что привлекаетъ его къ мыслямъ наиболѣе возвышеннаго порядка.

„Это неуловимое дуновеніе, этотъ родникъ, эта искра, отдѣляющаяся отъ земли, чтобы летѣть къ небу, суть частицы таинственной души вселенной. Непостижимый Двигатель вселенной позволяетъ же въ одинъ прекрасный день этимъ частицамъ, любившимъ другъ друга въ тѣлѣнной жизни, встрѣтиться и узнать другъ друга въ Вѣчности.

„Вотъ надежда, друзья мои, которую я уношу, покидая ась, а потому, поднимая бокаль въ честь нашей вѣчной, дружбы, я не говорю Вамъ „прощайте“,—я говорю Вамъ: „до свиданья!“¹⁾

1-го мая Тамберликъ въ сопровожденіи И. О. Карганова отправился концертнровать по югу Россіи. Это путешествіе сопровождалось бурными оваціями и крупнымъ матеріальнымъ успѣхомъ²⁾. Тамберликъ далъ концерты: въ Кіевѣ—4-го и 6-го мая, въ Курскѣ—9-го мая, въ Полтавѣ—10-го мая, въ Харьковѣ—11-го мая и въ Одессѣ—16-го мая.

Восгорженный „импрессарио“ Каргановъ сообщалъ съ пути въ Петербургъ М. С. Лалаеву:—„Вы не можете себѣ представить, какъ онъ чудно пѣлъ во 2 мѣ концертѣ въ Кіевѣ! Просто съ ума всѣхъ свелъ. *Ut diese* взялъ два раза такъ, какъ будто изъ пушки выпалилъ... Вчера въ концертѣ въ Полтавѣ меня удивило, что масса кадетъ входитъ въ залу, имѣя во главахъ своихъ наставниковъ... Меня очень заинтересовалъ вопросъ, какое произведетъ на нихъ впечатлѣніе Тамбертикъ. Я помѣстился между ними. Послѣ 1-го № („*La mia letizia*“) осапанѣли! Но что меня болѣе всего удивило—это восторгъ, въ который они пришли отъ

¹⁾ Эти грустная ноты въ словахъ стараго пѣвца гармонировали со взглядомъ его странавыхъ, пронзительно смотрящихъ и печальныхъ глазъ.

²⁾ Въ Кіевѣ 2 концерта дали чистаго сбора 2.200 рублей.

„Stabat Mater“, а чтобы оцѣнить тонкое исполненіе Эврико въ этой молитвѣ, нужно дѣйствительно тонкое и чуткое ухо. Тамъ же одинъ отставной генераль (ну, конечно, артиллеристъ), 70 лѣтъ, вышелъ изъ зала до окончанія концерта, утирая публично платкомъ слезы. Я спросилъ его, что съ нимъ, и онъ мнѣ сказалъ слѣдующее: „33 года тому назадъ я былъ на дебютѣ Тамберлика въ Петербургѣ. Онъ пѣлъ „Ломбарди“, съ тѣхъ поръ я его не слыхалъ и вдругъ теперь, точно съ того свѣта, я слышу тѣ же звуки, которые такъ меня потрясли, что я не въ силахъ естаться въ залѣ—душа вырывается изъ груди“.

Послѣдніе годы жизни Тамберликъ прожилъ въ Мадридѣ, гдѣ пѣлъ въ театрѣ и давалъ уроки пѣнія.

Тамберликъ былъ женатъ, имѣлъ сына¹⁾ и дочь. Онъ не на много пережилъ жену (умерла въ 1885 г.) и скончался отъ воспаленія легкихъ 13-го марта (нов. стиля) 1889 г.²⁾ 69 лѣтъ отъ роду, въ бѣдности, въ Парижѣ, въ квартирѣ дочери (Boulevard Hausmann, 103), бывшей замужемъ за докторомъ-окулистомъ Галезовскимъ (Galezowski). Погребенъ на кладбищѣ Père Lachaise³⁾.

БИБЛИОГРАФІЯ о ТАМБЕРЛИКѢ.

1. „Отечественныя Записки“. 1861 г. № 11. Стр. 19.
2. „Современникъ“. Тт. LXXXV, LXXXVI и XCIV отд. II и т. XLII отд. VI. Статьи М. Л.-л-ва „Итальянская опера въ Петербургѣ“.
3. „Современное Слово“. 1862 г. №№ 95, 130 и 146.
4. Ф. Толль. Настольн. Словарь для справокъ СІБ., 1864 г., т. III. Стр. 603—604.
5. „Русскія Вѣдомости“. 1870 г. №№ 205, 206, 207--210.
6. „Московскія Вѣдомости“. 1870 г. №№ 208 и 211.
7. „Голосъ“. 1870 г. № 288.
8. „Journal de St Pétersbourg“ 1870 г. № 230 и 1884 г. № 104.
9. „Republique Française“. 1874 г. 1 окт.
10. М. К. Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Композиторы, пѣвцы и пѣвицы. Москва. 1874 г. Стр. 152—153.

1) Сынъ знаменитаго тенора не пѣлъ; у него былъ басъ.

2) Пользуемся случаемъ исправить ошибки, допущенныя въ „Русскомъ Біогр. Словарѣ“ и въ Энцикл. Словарѣ Брок. и Ефрона: въ первомъ сказано, что Тамберликъ умеръ въ 1882 году, а во второмъ—въ 1886 году.

3) Некрологъ его въ „Нов. Вр.“ 1889 г. № 4674 (4 марта).

11. „Le Figaro“. 1877 г. 24 маі и 1883 г. 24 пов.
12. „Новое Время“. 1884 г. №№ 2901—2906 и 2916; 1889 г. № 4674.
13. „Петербургскій Листокъ“. 1884 г. № 86.
14. В. Михневичъ. Наши знакомые. Спб. 1884.
15. И. Д. Перепелицынъ. Исторія музыки въ Россіи съ древн. врем. и до нашихъ дней. Спб. 1888 г. Стр. 150 и 192.
16. Русскій Біографическій Словарь.
17. Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона.
18. К. Скальковскія. Въ театр. міръ. Спб. 1899. Стр. IX—X.
19. В. В. Вертенсонъ. За тридцать лѣтъ. „Историч. Вѣстникъ“ 1913 г. Октябрь. Стр. 109—111.

В. А. Бернадскій.

